

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-248-256>

К вопросу об уровне жизни мещан города Курска в первой половине XIX века

Р.Л. Рянский¹, Л.М. Рянский^{2✉}, М.Л. Рянская³

¹ Курский государственный университет
ул. Радищева, д. 33, г. Курск 305000, Российская Федерация

² Курское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры
ул. Дзержинского, д. 19, г. Курск 305000, Российская Федерация

³ МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №51»
ул. Веспремская, д. 1а, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ryanskiy@internet.ru

Резюме

Актуальность. Объективная оценка уровня жизни податного населения дореформенной России в отечественной исторической науке, включая ее региональный сегмент, нуждается в дальнейшем исследовании, при этом мещанское сословие, в отличие от крестьянства, находилось на втором плане.

Цель. На основе изучения широкого круга различных архивных и печатных источников дать комплексную оценку жизненного уровня мещан города Курска в конце XVIII – первой половине XIX века.

Задачи: исходя из информации, имеющейся в распоряжении авторов, попытаться отойти от сложившихся в советской исторической традиции стереотипов; проанализировать информацию о различных сферах жизнедеятельности мещан.

Методология. Статья основывается на принципах объективности и историзма. Отсутствие сведений, позволяющих напрямую оценить жизненный уровень мещан Курска, потребовало применения системного подхода, а наличие антропометрических данных, являющихся интегральными показателями, способствовало привлечению статистических методов.

Результаты. Вопрос о благосостоянии рядовых жителей города Курска в первой половине XIX века исследуется на основе разнообразных источников, позволяющих осветить различные сферы жизни мещан. Авторы приводят конкретные свидетельства и количественные данные о продовольствии, занятиях, имуществе, источниках доходов и поступления жизненных средств, образовании и медицинском обслуживании курских мещан. Разумеется, представленная проблема решена не с исчерпывающей полнотой, при этом и сказанное не согласуется с оценками уровня жизни и бытовых условий мещан в первой половине XIX века, господствовавшими в отечественной исторической науке. Дана обоснованная оценка благосостояния мещан на базе антропометрических данных, почерпнутых из впервые введенных в научный оборот источников.

Вывод. Установлено, что средний дефинитивный рост мещан в целом соответствовал всероссийской норме. Это может свидетельствовать о том, что базовые потребности курских мещан удовлетворялись, вероятно, в достаточной мере, соответствующей уровню социально-экономического развития России первой половины XIX века.

Ключевые слова: антропометрия; мещане; торговля; ремесло; дефинитивный рост; рекрутская повинность.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Рянский Р.Л., Рянский Л.М., Рянская М.Л. К вопросу об уровне жизни мещан г. Курска в первой половине XIX в. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 248–256. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-248-256>.

Поступила в редакцию 08.04.2025

Принята к публикации 07.05.2025

Опубликована 16.06.2025

© Рянский Р.Л., Рянский Л.М., Рянская М.Л., 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2025;15(3):248-256

On the question of the standard of living of the bourgeoisie of Kursk in the first half of the 19th century

Roman L. Ryansky¹, Leonid M. Ryansky^{2✉}, Maria L. Ryanskaya³

¹Kursk State University
33 Radishchev Str., Kursk 305000, Russian Federation

²Kursk Regional Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments
19 Dzerzhinsky Str., Kursk 305000, Russian Federation

³Secondary school No. 51
1a Veszprem Str., Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: ryanskiy@internet.ru

Abstract

Relevance. An objective assessment of the standard of living of the tax-paying population of pre-reform Russia in Russian historical science, including its regional segment, needs further research. At the same time, the bourgeoisie, unlike the peasantry, was in the background.

The purpose – based on the study of a wide range of different archival and printed sources, to give a comprehensive assessment of the living standards of the burghers of the city of Kursk in the late XVIII – first half of the XIX centuries.

Objectives: based on the information available to the authors, try to move away from the stereotypes that have developed in the Soviet historical tradition, analyze information about various spheres of life of the burghers.

Methodology. The article is based on the principles of objectivity and historicism. The lack of information that makes it possible to directly assess the standard of living of the burghers of Kursk required the use of a systematic approach, and the availability of anthropometric data, which are integral indicators, contributed to the use of statistical methods.

Results. The issue of the well-being of ordinary residents of Kursk in the first half of the 19th century is studied on the basis of various sources that make it possible to highlight various spheres of life of the burghers. The authors provide specific evidence and quantitative data on food, occupations, property, sources of income and income, education and medical care for Kursk burghers. Of course, the problem presented has not been solved exhaustively, and what has been said does not agree with the assessments of the standard of living and living conditions of the bourgeoisie in the first half of the 19th century, which prevailed in Russian historical science. A reasonable assessment of the well-being of the burghers is given on the basis of anthropometric data obtained from sources introduced into scientific circulation for the first time.

Conclusion. It was found that the average definitive height of the burghers generally corresponded to the All-Russian norm. This may indicate that the basic needs of the Kursk burghers were probably satisfied to a sufficient extent, corresponding to the level of socio-economic development of Russia in the first half of the 19th century.

Keywords: anthropometry; philistines; trade; craft; definitive growth; conscription.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ryansky R.L., Ryansky L.M., Ryanskaya M.L. On the question of the standard of living of the bourgeoisie of Kursk in the first half of the 19th century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(3):248–256. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-248-256>.

Received 08.04.2025

Accepted 07.05.2025

Published 16.06.2025

Введение

Благосостояние или уровень жизни рядовых горожан г. Курска в период с конца XVIII в. до 1861 г. относится к

числу практически не изученных проблем региональной истории. В советской историографии оно оценивалось преимущественно негативно. Так, в книге «Курск. Очерки истории города» читаем:

Курск «был городом, где “барство дикое” творило свои черные дела, где совершалось жесточайшее насилие над простым человеком» [1, с. 75]. О социально-экономическом положении курян в этой книге сказано: «Положение городских тружеников было нелегким. Голод и холод были их вечными спутниками» [1, с. 103]. Однако при этом никаких конкретных данных, подтверждающих эти оценочные суждения, не приводится. Справедливости ради стоит отметить, что нам тоже не удалось обнаружить в архивах массовых источников, содержащих статистические сведения о жизненном уровне мещан г. Курска.

Сословной группе мещан в книге «Курск. Очерки истории города» дано следующее определение: в неё «вошли в 1775 году те, кто не имел достаточного капитала для записи в купечество: мелкие торговцы, ремесленники, наемные рабочие люди.

Мещане не освобождались от телесных наказаний по суду, облагались подушной податью и были связаны между собой круговой порукой в отношении уплаты податей. Подавляющая масса их относилась к трудящимся слоям городского населения» [1, с. 49]. Принципиально важно добавить в контексте рассматриваемого вопроса, что мещане несли ещё и рекрутскую повинность, т. е. именно с ней связано наличие источников, необходимых для изучения поставленной проблемы.

Методология

Для достижения цели и задач исследования были применены базовые принципы исторической науки. Соблюдение принципа историзма позволило дать объективную оценку различным показателям жизнедеятельности курских мещан на фоне происходивших в первой половине XIX в. социально-экономических процессов в Российской империи. Принцип объективности помог беспристрастно продемонстрировать специфику занятий мещанского сословия. Принцип системно-

сти в настоящей работе дал возможность представить содержание категории «уровень жизни» как совокупности взаимосвязанных элементов. Неотъемлемой частью методологического инструментария стал статистический метод, использование которого стало условием анализа антропометрических данных мещанства в заявленных хронологических и территориальных рамках.

Результаты и их обсуждение

Современная наука рекомендует использовать для оценки уровня жизни населения большое количество параметров: занятость, условия труда, жилищные условия, доходы, расходы, цены, медицинское обслуживание, образование, культура и др. [2, с. 19] Однако приоритетное значение, особенно в прошлом, имели количество и качество питания, а также уровень физических нагрузок. В частности, Б.Н. Миронов отмечает по этому поводу: «Даже самое обильное питание может оказаться неадекватным, если физические нагрузки очень велики, и наоборот, плохое питание при незначительных нагрузках может оказаться достаточным» [2, с. 77].

Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, что у мещан г. Курска был целый ряд источников получения средств существования в широком смысле этого слова, включающем в том числе и то, что перечислено выше.

Едва ли не важнейшим видом деятельности и источником дохода курских мещан, обеспечивавших их существование, была торговля. По данным топографического описания И. Башилова, в конце XVIII в. в Курске насчитывалось мещан 2303 души мужского пола и 2228 душ женского, купцов – 1919 и 1690 душ соответственно. Относительно же торговых занятий в «Описании» отмечено: «Мещане же и небогатые купцы многие, отъезжая с мелочными товарами по уездам, торгуют на ярмарках и в слободах, как и в своем городе» [3, л. 149].

К 1859 г. численность курских мещан возросла до 11 631 души мужского и 12 149 душ женского пола, в то время как число купцов сократилось до 544 и 552 душ [4, с. 170–182]. По всей видимости, основная часть выбывших купцов пополнила собой мещанское сословие. Кроме того, прирост численности данной категории населения осуществлялся и за счет крестьян. В течение первой половины XIX в. роль торговли в жизни мещан ещё более возросла. В содержательном военно-статистическом описании сообщается: «**Большая часть мещан** (выделено нами. – *Авт.*) ездят по селениям для закупки сельских продуктов у местных жителей... для перепродажи приезжим купеческим приказчикам; ...производят эту закупку для известных капиталистов-купцов» [5, с. 70–71]. При этом они «стараятся воспользоваться нуждой сельского обывателя, дабы как можно дешевле купить у него; для сего иногда привозят они с собой... шелка, платки и прочие безделицы... иногда же употребляют непростительные хитрости, чтоб его обмерить или обвесить, водка и пиво в подобных случаях разыгрывают главные роли». Но если мещане имеют постоянных покупателей, то тогда торгуют добросовестно [5, с. 72].

Разумеется, мещане вели не только «развозную» мелкую розничную торговлю, но и торговали на многочисленных городских и сельских ярмарках. Также в городах довольно интенсивно развивалась стационарная торговля, в которой мещане наверняка участвовали наряду с купцами. И если в конце XVIII в. в Курске насчитывалось 160 лавок, харчевен и «питейных домов» [3, л. 2], то в 1862 г. в городе функционировали 16 «торговых магазинов», 545 лавок, 8 харчевен, 2 кондитерские [6, л. 3–4].

Какая-то часть мещан существовала за счет доходов от промышленного предпринимательства, в первую очередь мелкого мануфактурного. В «Журнале мануфактур и торговли» отмечается, что «купечество и мещане упражняются наиболее в простых и грубых работах: сало-

топлении, мыловарении и кожевенном деле», при этом общие масштабы данных отраслей промышленного производства были весьма существенными. Например, в 1829 г. на 34 салотопенных предприятиях было забито 42,5 тыс. голов рогатого скота, из которых вытоплено 552 тыс. пудов жира (порядка 9 000 тонн. – *Авт.*), проданного за 4 млн руб. ассигнациями, в том числе свечно-сальным и мыловаренным заведениям [7, с. 3].

В 1859 г. в Курске действовали 4 салотопенных предприятия с оборотом 600 тыс. руб. серебром, 31 кожевенное (100 тыс. руб.), 4 свечно-восковых (12 тыс. руб.), 6 свечно-сальных (21 тыс. руб.), 6 крупчатых (3 тыс. руб.), 3 маслобойных (1 тыс. руб.), 1 пивоваренное (6 тыс. руб.), 2 канатных (35 тыс. руб.), 2 медоваренных (2 тыс. руб.), 1 чугунолитейный (4 тыс. руб.), 23 кирпичных (14 тыс. руб.), 3 кафельных (5 тыс. руб.), 1 экипажное (3 тыс. руб.), 1 фортепианное (4 тыс. руб.), 3 фотографических заведения [4, с. 145–146, 149]. К сожалению, не удалось установить, какое количество перечисленных предприятий принадлежало представителям курского мещанства.

По мере роста доходов мещане могли переходить в купеческое сословие, хотя, как уже отмечалось, происходил гораздо более масштабный обратный процесс.

За первую половину XIX в. в Курске намного возросло количество ремесленников, в числе которых были и выходцы из мещанского сословия.

По данным топографического описания 1784 г., хранящегося в Российском государственном военно-историческом архиве, в Курске насчитывалось 356 ремесленников. Среди них наиболее многочисленными были сапожники (83 чел.), плотники (45), кузнецы (23), бондари (13), портные (14), «масленники» (22), «шاپочники» (26), «серебряники» (17) (ювелиры. – *Авт.*) [8, с. 132–133].

В 1859 г. в городе было зарегистрировано 2044 ремесленника, в том числе 498 мастеров, 844 рабочих, 702 ученика.

Несколько позднее, по данным однодневной переписи 1865 г., в Курске насчитывалось 1 тыс. сапожников, 341 кожевник, 330 столяров и токарей, 226 булочников, 193 кузнеца, 142 «веревочника» и много других специалистов [7, с. 130, 143]. Резкое увеличение числа ремесленников объясняется тем, что, как справедливо отметила Л.А. Медведская, до переписи 1865 г. многие из них, в сущности, находились в статистическом небытии. Участник этой переписи отмечал: «2/3 мастеров занимаются ремеслами без особенного надзора и контроля» [1, с. 103].

Помимо местных, мещане занимались также и «отхожими» промыслами (т. е. были заняты профессиональной деятельностью не по месту формальной регистрации. – *Авт.*). Так, в частности, в 1861 г. городская дума выдала мещанам 1215 паспортов и 1443 «краткосрочных билета» [1, с. 104]. Подобные документы до реформы 1861 г. позволяли представителям податных сословий легально работать за пределами губернии, не опасаясь проблемных ситуаций с полицией.

Не установленная нами часть мещан имела земельные наделы, очевидно потому, что в прошлом они или их предки были крестьянами, в первую очередь государственными. Однако свои наделы сами они обрабатывали редко: современник отмечал, что они «отдают их поселянам в оброчное содержание или за половину урожая», правда, летом мещанки всё же нанимались на сельскохозяйственные работы [5, с. 53, 69].

Издавна Курск славился своими садами. По данным И. Башилова, в городе насчитывалось 125 больших садов и 95 малых, а за городом были еще и «овощные огороды», и бахчи, где вызревали «преизрядные дыни и арбузы». Куряне выращивали даже «украинские кияшки» (кукурузные початки) [8, с. 133]. Некоторые купцы и мещане выполняли заказы разводить своими прививками сады не только в своей или соседних губерниях, «но и за многие сотни верст» [5 с. 90], т. е. имели в данном виде деятельности

признание, по сути, на общероссийском уровне.

По нашему мнению, мещане г. Курска в основной массе имели достаточные финансовые возможности, по крайней мере, для удовлетворительного питания. В губернии производился такой объем продовольствия, который превышал местные потребности. С другой стороны, вследствие неразвитости инфраструктуры, до строительства железных дорог имелись весьма ограниченные возможности для его вывоза за пределы губернии. По этим причинам хлеб и другие сельскохозяйственные продукты стоили на общероссийском фоне вполне умеренно и даже дешево, хотя цены на них постепенно возрастали. Так, в 1850 г. в Курске четверть ржи стоила 1,75 руб. серебром, овса – 1,87 руб., гречихи – 1,4 руб., гороха – 3,5 руб., пшеницы – 5,0 руб., пуд сала – 3,6 руб., пуд конопляного масла – 2,8 руб., пуд мёда – 4,0 руб. В то же время в малоурожайном 1861 г. «среднесложная цена» четверти ржи составила 3,1 руб. [2, с. 204] У мещан имелись возможности и для приобретения мясных продуктов. Например, откормленная овца стоила 1,75 руб., свинья – от 3,0 до 4,28 руб., одна голова крупного рогатого скота – от 4 до 10 руб., а откормленный бычок – от 11 до 15 руб. [9, с. 190–192] Кроме того, определенное количество продовольствия мещане получали от собственного приусадебного хозяйства и от сдаваемой в аренду земли.

Выше уже отмечалось, что одним из индикаторов оценки уровня жизни населения является образование. В конце XVIII в. оно находилось, можно сказать, в зачаточном состоянии. В 1783 г. «попечением» бывшего генерал-губернатора Прозоровского, курского губернатора Зубова и орловского действительного статского советника Неплюева было открыто училище, в котором преподавались «учение закона», российская грамматика, география, немецкий и французский языки, рисование, танцы, фехтование и музыка. Данное учебное заведение функциониро-

вало «иждивением обеих губерний дворян» (т. е. Курской и Орловской). Пример оказался заразительным: курский купец Иван Голиков, «положа знатную сумму, застраивает каменное училище подле дому своего для купеческого и мещанского юношества, которое, сверх учения и содержания, будет его, Голикова иждивением...» [8, с. 147–148].

В 1786 г. было открыто главное народное училище, в следующем – малое народное училище [4, с. 42].

На рубеже 50–60-х годов XIX века в Курске работало уже несколько учебных заведений. Самым крупным и развитым была мужская гимназия с благородным пансионом, реальными классами, фундаментальной библиотекой, физическим кабинетом и лабораторией естественных наук. Она была основана еще в 1808 г. Кроме того, в городе функционировали: уездное училище, уездно-приходское духовное училище, 3 женских пансиона, несколько «частных первоначальных школ грамотности», «курсы приготовления народных учителей» [4, с. 145–149; 6, л. 3–4 об.]. Дети мещан и лиц других сословий могли обучаться в реальных классах гимназии, не говоря уже об училищах. В двухгодичных реальных классах достаточно подготовленные ученики должны были изучать «полный курс реальных наук». Завершившие обучение освобождались от телесных наказаний и всего за 500 руб. ассигнациями увольнялись от рекрутчины [1, с. 108].

6 декабря 1861 г. в Курске было открыто женское училище первого разряда, преобразованное уже в 1870 г. в женскую гимназию [1, с. 108].

Что касается медицинского обслуживания городских жителей, то оно было представлено 17 врачами, 2 дантистами, 6 повивальными бабками. Также действовали 5 аптек, в их числе 2 казенные и 3 частные [4, с. 148].

Приведенные нами сведения, надо признать весьма лапидарные, позволяют получить лишь поверхностное представление об условиях жизни курян, но их,

безусловно, недостаточно для измерения уровня жизни населения в целом.

К счастью, в настоящее время положение исследователей рассматриваемой важной проблемы вовсе не безнадежно. Современная наука предлагает новые подходы и источники информации, предоставляющие возможности адекватно оценить совокупность параметров благосостояния населения, содержащихся в интегральном антропометрическом показателе – среднем росте людей.

В отечественной историографии одним из первопроходцев и признанным авторитетом в использовании антропометрических показателей для оценки благосостояния населения является Б.Н. Миронов. Он отмечает, что финальный («дефинитивный») рост человека «принимается в экономической науке в качестве замещающего индикатора уровня жизни, получившего в специальной литературе название биологического статуса» (биостатуса). Дефинитивный средний рост людей характеризует степень удовлетворения их базисных потребностей [2, с. 20]. В то же время, по мнению Б.Н. Миронова, жизненный уровень людей во многом привязан к годам их рождения, а не к годам измерения роста или каким-либо другим годам, поскольку именно в первый год жизни закладываются основы будущего биологического развития [2, с. 83].

К числу сторонников использования антропометрических данных в исторических исследованиях можно отнести американского историка С.Л. Хока [10, с. 28–54]. А.В. Островский, напротив, подверг точку зрения Б.Н. Миронова резкой критике [11, с. 119–140]. М. Элман считал, что эти данные использовать все же можно, если рассматривать рост мужчины показателем благосостояния не в год его рождения (как полагал Б.Н. Миронов), а в период «пубертатного скачка» («всплеска роста») [12, с. 164]. Такую же позицию занимает и С.А. Нефедов [13, с. 78–80]. По нашему мнению, нет веских резонансов отказываться от использования антропо-

метрических данных как показателя благосостояния населения. Они реально отражали динамику жизненного уровня жителей, если имелось достаточное количество таких данных [14, с. 126]. Ответы Б.Н. Миронова на критические оценки оппонентов изложены в его статье «Страсти по исторической антропометрии» [15, с. 124].

Применительно к изучаемому периоду массовые данные о росте людей содержатся в формулярных списках ново-

бранцев в армию (рекрутов), хранящихся в архивах. В Государственном архиве Курской области эти документы отложились в фондах губернского и уездных рекрутских присутствий и казенной палаты. В ходе целенаправленного поиска нам удалось отыскать сведения о росте более чем 700 курских рекрутов из мещанского сословия г. Курска за период с 1811 по 1850 г.

Результаты обработки этих данных приводятся в таблице 1.

Таблица 1. Динамика среднего роста рекрутов-мещан г. Курска в первой половине XIX в. [16]

Table 1. The dynamics of the average growth of recruits from the bourgeoisie of Kursk in the first half of the 19th century [16]

Показатели	Годы рождения			
	1811–1820	1821–1830	1831–1840	1841–1850
Число рекрутов	62	237	155	272
Средний рост, см	166,7	165,3	164,3	165,2

Итак, самыми высокими были рекруты, родившиеся в 1811–1820 гг., если, конечно, смириться с мыслью, что небольшая численность совокупности (62 чел.) вряд ли дает достаточно точный результат. В следующем десятилетии средний рост новобранцев понизился на целых 1,4 см, а в 30-х гг. – еще на 0,2 см, но в 40-х гг., наоборот, он повысился почти на 1 см. Однако следует иметь в виду, что в течение первой половины XIX в. минимальный ростовой ценз рекрутов понижался. До 1832 г. он составлял 36 вершков (160 см), в 1845 г. – 35,5 вершков (157,8 см), в 1854 г. – 35 вершков (155,6 см), и это, на наш взгляд, необходимо учитывать при сравнении интересующего нас показателя в различные периоды. Правда, официально

установленный ростовой ценз не всегда выдерживался, и поэтому минимальный рост рекрутов в 1811–1820 гг., согласно сведениям источников, равнялся 157,8, а не 160 см. Вот почему необходимо для достижения корректных сравнений исключить из подсчетов данные обо всех рекрутах ниже 157,8 см. Кроме того, следует признать, что данные за 1811–1820 гг., скорее всего, являются завышенными, тогда как показатели за последующее десятилетие близки к реальному среднему росту мужского населения, поскольку в них включены показатели, касающиеся не только среднерослых и высокорослых, но и призывников, которых следует исключать. Данные, учитывающие эти изменения в ростовом цензе рекрутов, представлены в таблице 2.

Таблица 2. Динамика среднего роста рекрутов-мещан г. Курска в первой половине XIX в. с учетом изменений ростового ценза [16]

Table 2. Dynamics of the average growth of recruits from the bourgeoisie of Kursk in the first half of the 19th century, taking into account changes in the growth qualification [16]

Показатели	Годы рождения			
	1811–1820	1821–1830	1831–1840	1841–1850
Число рекрутов	62	223	134	251
Средний рост, см	166,7	165,9	165,6	166,0

Исходя из представленных соображений и внесенных корректив, мы видим, что понижение роста в 1821–1830 гг. составило всего 0,8 см, а с учетом возможного завышения показателя за 1811–1820 гг., вероятно, никакого понижения роста не происходило вообще. В 1830-е гг. показатель понизился лишь на 0,3 см, а в 40-е годы имела место слабо выраженная тенденция к его повышению. По большому счету, в первой половине XIX в. средний рост рекрутов представлял собой стабильную величину, а значит, положение мещан г. Курска, вероятно, не ухудшилось.

Как можно оценить средний рост курских мещан в рассматриваемый период? Разумеется, к этому вопросу нельзя подходить с современными мерками. Единственно адекватным может быть только сопоставление этого показателя с аналогичными показателями, относящимися к тому же самому временному отрезку. По данным Б.Н. Миронова, сред-

ний рост мещан и цеховых России в период с 1801 по 1860 г. составлял 165,2 см [8, с. 214]. Значение среднего роста курских мещан в 1811–1850 гг., исчисленное по данным таблицы 1, составило те же 165,2 см, т. е. целиком соответствовало общероссийской норме.

Выводы

Приведенные факты и полученные результаты резко контрастируют с продемонстрированными в начале данной статьи оценками авторов книги «Курск. Очерки истории города», которые в свое время, конечно, не знали, да и не могли знать информационных потенциалов антропометрических данных, содержащихся в документации из фондов рекрутских присутствий и казенной палаты, хранящихся в Государственном архиве Курской области, а также других использованных нами документальных материалов.

Список литературы

1. Курск. Очерки истории города. Изд. второе, перераб. и доп. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1968. 279 с.
2. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.
3. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-30 (личный). Оп. 1. Д. 22.
4. Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск: В Тип. Курск. губ. правления, 1860. 363 с.
5. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIII, ч. 3. Курская губерния / сост. Дуброво и Рельн. СПб.: Тип. Деп. ген. штаба, 1850. 248 с.
6. ГАКО. Ф. 1555. Оп. 5. Д. 11.
7. Журнал мануфактур и торговли. 1829. № 10. 128 с.
8. Из истории Курского края: сборник документов и материалов. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1965. 408 с.
9. Журнал Министерства государственных имуществ. 1850. Ч. 37, № 12. 624 с.
10. Хок С.Л. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России. 1861–1914 годы // Отечественная история. 1996. № 2. С. 28–54.
11. Островский А.В. О модернизации России в книге Б.Н. Миронова // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 119–140.
12. Эллман М. Витте, Миронов и ошибочное использование антропологических данных // Экономическая история. Обозрение. 2005. Вып. 11. С. 159–165.
13. Нефедов С.А. О причинах демографической стагнации в России накануне отмены крепостного права // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 78–81.
14. Рянский Л.М. Источниковедческий анализ – фундамент исторического исследования // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 121–126.

15. Миронов Б.Н. Страсти по исторической антропометрии // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 122–140.
16. ГАКО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2 (I), 11, 14, 17, 22, 25, 56, 70, 79, 95, 110, 112, 116, 136.

References

1. Kursk. Essays on the history of the city. Second edition, revised. and add. Voronezh: Tsentr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1968. 279 p. (In Russ.)
2. Mironov B.N. The welfare of the population and the Revolution in Imperial Russia: XVIII – early XX century. Moscow: Novyi khronograf; 2010. 911 p. (In Russ.)
3. ГАКО (The State Archive of the Kursk region). F. R-30 (lichnyi). Op. 1. D. 22. (In Russ.)
4. Commemorative book of Kursk province in 1860. Kursk: V Tip. Kursk. gub. pravleniya; 1860. 363 p. (In Russ.)
5. Dubrovo, Rel'n (eds.) Military statistical review of the Russian Empire. Vol. XIII, pt 3. Kursk province. St.-Petersburg: Tip. Dep. gen. Shtaba; 1850. 248 p. (In Russ.)
6. ГАКО. F. 1555. Op. 5. D. 11. (In Russ.)
7. Journal of Manufactures and Trade. 1829;(10):128. (In Russ.)
8. From the history of the Kursk region. Collection of documents and materials. Voronezh: Tsentr.-Chernozem. kn. izd-vo; 1965. 408 p. (In Russ.)
9. Journal of the Ministry of State Property. 1850;37(12):624. (In Russ.)
10. Khok S.L. Malthus: population growth and standard of living in Russia. 1861-1914. *Otechestvennaya istoriya = Russian History*. 1996;(2):28-54. (In Russ.)
11. Ostrovskii A.V. About the modernization of Russia in the book by B.N. Mironov. *Voprosy istorii = History issues*. 2010;(10):119-140. (In Russ.)
12. Ellman M. Witte, Mironov and the erroneous use of anthropological data. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie = Economic history. Review*. 2005;(11):159-165. (In Russ.)
13. Nefedov S.A. On the causes of demographic stagnation in Russia on the eve of the abolition of serfdom. *Voprosy istorii = History issues*. 2010;(8):78-81. (In Russ.)
14. Ryanskii L.M. Source analysis is the foundation of historical research. *Voprosy istorii = History issues*. 2011;(5):121-126. (In Russ.)
15. Mironov B.N. The Passion for Historical Anthropometry. *Voprosy istorii = History issues*. 2011;(4):122-140. (In Russ.)
16. ГАКО. Ф. 69. Оп.1. Д. 2 (I), 11, 14, 17, 22, 25, 56, 70, 79, 95, 110, 112, 116, 136. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Рянский Роман Леонидович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник НИИ археологии Юго-востока Руси, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: roman-ryansky@yandex.ru

Рянский Леонид Михайлович, доктор исторических наук, Курское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ryanskiy@internet.ru
ORCID: 0009-0003-2861-9446

Рянская Мария Леонидовна, кандидат исторических наук, учитель технологии, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №51», г. Курск, Российская Федерация
e-mail: RyanskayaM@yandex.ru

Roman L. Ryansky, Doctor of Sciences (Historical), Senior Researcher at the Scientific Research Institute of Archeology of the South-East of Russia, Kursk State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: roman-ryansky@yandex.ru

Leonid M. Ryansky, Doctor of Sciences (Historical), Kursk Regional Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ryanskiy@internet.ru,
ORCID: 0009-0003-2861-9446

Maria L. Ryanskaya, Candidate of Sciences (Historical), Teacher of Technology, MBOU Secondary School No. 51, Kursk, Russian Federation,
e-mail: RyanskayaM@yandex.ru